

УДК 316

Ж.Т. Тощенко

J.T. Toshchenko

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В РАЗВИТИИ
РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ**

**NEW TRENDS
IN THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN SOCIOLOGY**

Анализируются основные изменения, произошедшие в российской социологии в конце XX – начале XXI веков. Особое внимание обращается на новые предметные области социологического знания. Сделана попытка осмысления усложнившейся социальной реальности. Показано углубление представлений о «старых» накопленных концепциях. В статье обращается внимание на появление в социологии новой противоречивой терминологии.

Ключевые слова: социология, теория, методология, понятия социологии, новые концепции социологии, публичная социология.

An analysis of the main changes that have occurred in the Russian sociology at the end of XX – beginning of XXI centuries. Particular attention is drawn to the new subject areas of sociological knowledge. Made an attempt to understand the aggravated the social reality. Shows insight into the "old" accumulated concepts. The article points to the emergence of a new sociology contradictory terminology.

Key words: sociology, theory, methodology, concepts of sociology, new concepts of sociology, public sociology.

Ж.Т. Тощенко

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан и зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. Главный редактор Журнала РАН «Социологические исследования» (г. Москва).

E-mail: zhantosch@mail.ru

J.T. Toshchenko

Corresponding Member of the RAS, Doctor of Philosophy, Professor, the Dean and Head of the Department of theory and history of sociology of the faculty of sociology of the Russian State Humanitarian University. The chief editor of the Journal of the RAS «Sociological researches» (Moscow).

E-mail: zhantosch@mail.ru

Конец XX – начало XXI в. ознаменовался тем, что в социологии начали накапливаться явно проявившие себя признаки поиска новых направлений исследований и осмысления новых реалий, что принесло существенные изменения в развитии теоретической мысли и эмпирических исследований в отечественной социологии. Этот процесс был обусловлен как логикой развития самой науки, так и теми трансформациями, которые происходили в мире и в российском обществе.

Прежде всего, существенно изменилось место социологии в жизни общества. Из чисто научной сферы и некоторых эмпирических исследований, которые обогащали в той или иной степени науку и частично практику, *она шагнула, во-первых, в сферу управления*. Сейчас редко какая управленческая структура не имеет социологическую службу или не заказывает социологическую информацию по интересующим ее вопросам. По сравнению с советским периодом использование социологии в управлении имеет свои особенности. Если в советское время социологические данные выступали в большинстве случаев в контексте идеологической работы, то в постсоветской России они приобрели, в основном, функцию политического применения и использования их в решении политических проблем, главным образом, текущего плана, что нашло особенно яркое отражение в значительном расширении ареала использования общественного мнения. Поэтому не удивительно, что социологические данные стали предметом внимания со стороны органов политической власти, главным образом, на федеральном и региональном уровнях. Так социологическая информация стала регулярно использоваться в Администрации Президента РФ, Совете Федерации и Государственной Думе. В региональном аспекте можно назвать руководство республик Башкортостан и Якутия-Саха, Тюменской области, Ханты-Мансийского округа и в ряде других республик, краев и областей.

Отмечая эту характерную тенденцию, следует иметь в виду, что такое привлечение социологии в решение управленческих задач (повторяем, в основном, политических), еще не является гарантией ее полноценного использования и реального применения. При этом произошло резкое сокращение исследований в сфере экономики, в социальной и культурной жизни. Российский бизнес, за редким исключением, не рассматривает социальные резервы как один из источников повышения своей эффективности. Это может означать, что он удовлетворен своими организационными и экономическими достижениями и преобразованиями. В этом смысле такой феномен советской эпохи, как «заводская социология», бывшая реальным участником совершенствования трудовых отношений на производстве, до сих пор не превзойден.

О том, что социологи среагировали на потребности времени, говорит не только возросший объем публикаций по проблемам управления,

численность защит докторских и кандидатских диссертаций, но и то, что 4-й Всероссийский социологический конгресс в Москве (февраль 2012 г.) и его продолжение (Уфа, октябрь 2012 г.) были посвящены проблемам управления.

Во-вторых, не менее примечательная особенность проявилась в изменении места социологии в жизни общества: *она (вернее социологические данные) стали неременным атрибутом деятельности практически всех средств массовой коммуникации и информации*. В настоящее время редко встретишь выпуск любой газеты, журнала, информационных выпусков по телевидению или радио, не говоря уже об Интернете, которые не прибегали бы к цитированию или импровизации по поводу эмпирических данных. В данной констатации факта не оцениваются качество и правила использования социологических данных – это предмет отдельного разговора.

В-третьих, характеризуя место социологии в жизни общества, надо отметить тот факт, что *социологическое образование стало массовым*, что обусловлено потребностями нынешнего этапа развития социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов. От первых факультетов, открытых в 1989 г. в Московском, Ленинградском и Киевском университетах, социологическое образование шагнуло практически во все университеты в каждой республике, крае и области, представляя собой более 30 факультетов и отделений, около 300 кафедр и свыше 22 тыс. студентов, ежегодно обучающихся и готовящихся стать социологами.

Надо отметить и тот факт, что *социологическая информация стала заметным аргументом в политической борьбе, в экономической конкуренции, в продвижении определенных продуктов и услуг*. Сейчас невозможно представить политическую борьбу, особенно в процессе избирательной компании, без привлечения социологической информации, также как и экономические отношения в стране, без ее использования в процессе рекламной деятельности, отражающей возможности победы в конкурентной борьбе.

Названные нами факторы отражают внешнюю среду социологии, т.е. ее взаимодействие с обществом. А что происходит внутри самой социологии?

Теоретические поиски. За анализируемый период времени появились новые концепции, как общество знания, турбулентный социум, социология жизни. Что касается *общества знания* (для социальных наук это нашло отражение в экономике и социологии знания), это нашло отражение в исследованиях В.Л. Макарова, Б.А. Мильнера, Г.В. Осипова, В.Л. Шульца и др. [1]. Для характеристики *турбулентного (сложного) социума* можно обратиться к работам Р.С. Гринберга, С.А. Кравченко,

Е.Н. Данилиной [2]. Новая теоретическая концепция – *социология жизни* – получила развитие в работах Ж.Т. Тощенко, Н.М. Резника [3], в исследованиях Ю.Г. Волкова [4].

Стоит отметить, что в значительной степени померк структурно-функциональный подход в социологии и на ведущее место стал претендовать *антропоморфизм*, суть которого в своих работах метко определил П. Бергер как «человек в обществе, общество в человеке». Направленность на измерение общественного сознания, человеческого поведения, деятельности людей стала во все большей мере характеризовать труды как известных исследователей, так и нового поколения социологов (см. работы М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, В.А. Ядова, а также исследования социологов Европейского университета в Санкт-Петербурге. Среди новых тенденций можно отметить факт *историоризации социологии*, когда наряду с вниманием к традициям, накопленным в трудах предшественников, осуществляется попытка осмыслить современные реалии в синтезе применения исторических и социологических методов исследования [5].

В рамках исторической социологии можно отметить, что возродилась, хотя на новой основе, тенденция рассматривать происходящее в современном российском обществе с позиций социально-классового подхода [6]. На наш взгляд, получает развитие и *прогнозная функция социологии*, что находит отражение в поисках осмысления новой реальности. На наш взгляд, наиболее впечатляющим обобщением и плодотворной попыткой предвидеть развитие российского общества отражено в крупномасштабном проекте, выполненном Научно-координационным советом «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» под руководством Н.И. Лапина.

Особо следует отметить и новые попытки *обогащить методологию и методы социологических исследований*. Прежде всего, надо отметить развитие идей нелинейной социологии (С.А. Кравченко), конструктивистской парадигмы (Ж.Т. Тощенко), визуальной социологии и антропологии (П.В. Романов, Е.Р. Смирнова-Ярская и др.). Все большее распространение получают интернет-исследования. Получают дальнейшее развитие и методы количественной и качественной интерпретации социологических исследований (Г.Г. Татарова, А.С. Готлиб, А.Ю. Мягков, В.С. Семенова и др.).

Критическая функция социологии. После взлета интереса к проблемам глобализации в социологической литературе появилось немало публикаций, которые на глубокой теоретической и эмпирической основе подвергают критике *теорию глобализации*, которая, по мнению многих исследователей [7], игнорирует специфику развития многих регионов и многих народов. Немалое место в этой критике отводится доказательству того, что под этим флангом осуществляются попытки американизации,

распространения только европейских ценностей, которые плохо или совсем не принимаются в странах Азии и Африки.

Нужно отметить, что первой реакцией на давление глобализационных теорий стала концепция *локализации*, которая сосредоточивает свое внимание на особенном, специфическом, что конкретно и зримо отличает изучаемые общности от более объемных и широких объектов, как человечество, регион мира и даже отдельная страна. Реакцией на несовершенство глобализационного подхода стало появление теорий *регионализации*, *глокализации* и даже *анклаволизации*. Оригинальной находкой теоретико-методологического плана является концепция *клеточной глобализации*, развиваемая Н.Е. Покровским и проверяемая экспериментом в одном из сельских районов Костромской области. Изучая новые явления в течение ряда лет в одном из сельских районов Костромской области, он ведет поисковую и экспериментальную работу, получая исключительно пионерную информацию о реальных процессах, происходящих в российской глубинке [8].

Подвергается сомнению плодотворность *постмодернизма*, который если и оправдан в искусстве, то практически мало плодотворен в науке. В ряде работ показывается, что этой концепцией размывается определенность науки, доводится до абсурда многоголосностью мнений и суждений [9]. Образуемая этой методологией какофония приводит к тому, что теряется определенность социологического знания, оно попадает в ловушку бесконечного релятивизма, что нередко приводит к абсурду при осмыслении сложных социальных реалий.

Критичность социологии связана и с *отвержением идей мультикультурализма*, так как реалии Западной Европы никак не коррелируют с реалиями России. Если в США и Канаде реализуется концепция «Правильного котла» (и достаточно успешно), а в Западной Европе на основе толерантности объявляется необходимость обеспечения условий для прибывающих народов возможностей для сохранения их культурной самобытности, то Россия характеризуется принципиально новой ситуацией: никакие народы никогда не прибывали в Россию – они тысячелетиями жили на своей территории рядом с русскими и поэтому взаимоотношения между ними складывались на иной основе, чем это происходило бы в случае, если они приезжали на новые места жительства. Поэтому к условиям России более уместно говорить о межнациональном согласии, чем о мифическом и к тому же бесплодном мультикультурализме.

Новые объекты исследования. Поле исследований под влиянием коренных экономических, политических и социальных изменений существенно изменилось. Причем, мы отмечаем не просто коренное изменение при применении новых методов исследования в «старых» сложившихся направлениях (они тоже модернизируются), но и появление новых, ранее

не существовавших в российском обществе социальных явлений и процессов. Так в сфере социально-экономических отношений родились такие явления, как фриланстерство [10]. Эти объекты исследования говорят о существенных изменениях в сфере труда, в образе жизни людей. Например, И.М. Козина при анализе заемного труда показывает опыт принципиально нового построения трудового процесса при участии трех его составляющих – работника, нанимателя и пользователя этого труда. Это ранее не применяемое разделение функций получает все большее распространение (пока, по ее оценкам, это не превышает 1,2 % всего объема наемного труда), что порождает принципиально новые аспекты не только правового, но социального порядка [11].

В сфере экономики социологи столкнулись также с необходимостью осмыслить и дать социологическую интерпретацию таких явлений, как конкуренция, бедность, новые формы оплаты труда, виды собственности, безработица, забастовки, рейдерство и т.д. Происходящие процессы в социальной жизни связаны с характеристиками и чертами новых социальных групп, форм семьи, новых граней этничности и т.д.

В политической социологии интенсивно начали разрабатываться проблемы оппозиции и ее роли в функционировании общества. При этом принципиальное значение приобретает отправная характеристика – оппозиционер – это оппонент или враг? Если его считать оппонентом, то с ним надо разговаривать, обсуждать, находить взаимоприемлемые решения вплоть до передачи властных полномочий. Если оппонента рассматривать как врага, то оппозицию надо устранять всеми имеющимися в распоряжении способами вплоть до полной ее ликвидации. В сфере политики предстоит анализ таких новообразований как пиар-деятельность, компрадорские слои, специфика возрождения многопартийности и т.д.

Не менее значимы и процессы духовной жизни общества – новые субкультуры, ситуация в образовании, метаморфозы средств массовой коммуникации и т.д. Особую актуальность приобрели такие объекты исследования, как различные виды квази- и псевдокультуры, проблемы нравственности, новые лики религии.

Новые резервы «старых» исследований. Интенсивно происходит углубление понимания сути и содержания ряда важнейших проблем, обогащение представлений о них и на этой основе вскрытие ранее неизвестных латентно развивающихся процессов и явлений. Так недостаточно стало говорить о политической власти вообще, анализировать текущие и быстро преходящие изменения в ней и используемые ею методы. В условиях роста многосубъектности участников политической жизни становятся актуальными исследования особенных и специфических ликов власти – *этнократии* (когда в политическом управлении довлеют или преобладают методы, спекулирующие на этнонациональных интересах), *теократии*

(когда вмешательство церкви в государственные дела превышают предел разумности и допустимости при учете современных взаимоотношений государства и религии), *технократии* (когда преобладают чисто технологические методы управления обществом и государством). На наш взгляд, стучатся в дверь исследования *охлократии*, которые проявляют специфические черты на постсоветском пространстве.

На наш взгляд, происходят глубокие изменения при изучении такого традиционного объекта исследования, как общественное сознание. Еще в 1980-е гг. социологи стали отходить от исследований только одного из его феноменов – общественного мнения – появились обстоятельные и глубокие исследования проблем экономического, политического, исторического и нравственных сознания (см. работы Центра социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС), исследования Социологического центра РАГС при Президенте РФ, Института социально-политических исследований РАН и др.). Именно на этой основе выросли исследования специфических форм и видов общественного сознания – *изучение парадоксов, девиаций, кентавризма, фантомности и других форм деформации*, которые нуждаются в весьма обстоятельном и всестороннем проникновении в их сущность и более точной оценки их как в научном, так и в прикладном плане [12].

Углубляются проникновение и обогащение наших представлений о важнейших резервах жизни человека. Так, интенсивно прослеживается принципиально новая тенденция в исследованиях, посвященных социологии медицины. Она эволюционирует все в большей степени к *социологии здоровья*, в которой проблемы медицины становятся одним из ее компонентов, предполагая, что она должна быть дополнена еще рядом других социологических концепций – образом жизни, физической культурой и спортом, рекреацией, требованием экологических факторов.

Актуализация проблем. При анализе современного этапа развития человечества, многих стран мира можно выделить ряд проблем, заявивших о себе с особой настойчивостью. Среди них можно выделить *проблемы модернизации*, которые стали предметом интереса не только научных исследований, но и желаемой практикой для многих стран мира. Актуальна она и для России. Однако ее трактовка, в том числе и социологами, очень разнится. Из всех попыток ее интерпретировать хотелось бы выделить усилия Н.И. Лапина, который на основе использования опыта китайских коллег построил свое представление о модернизации регионов России, выделив в ней несколько видов модернизации. Очевидно, что модернизационные процессы не могут быть сведены только к экономическим или технологическим операциям – они должны учесть и социальные резервы, возможности культуры, влияние морали и права [13].

Не меньшую актуальность и значимость приобрели *этнические и конфессиональные проблемы*. Первые породили или оживили различные формы национализма, шовинизма и расизма, которые приобрели иные формы выражения, но не менее агрессивные и человеконенавистнические. Это проявляется в различных попытках заявить о себе именно в этническом исполнении. В странах западной Европы это проявилось в стремлении Фландрии выделиться из состава Бельгии, басков и каталонцев из Испании. На этой основе националисты образовали еще одно албанское самостоятельное государство Косово. Не утихают национальные войны на этнической основе в Индии, Пакистане, Мьянме и других странах.

Но особенно разгул национализма проявил себя на территории бывшего СССР. Возникновение еще 15 новых независимых государств вдохновили националистические силы в этих бывших союзных республиках на создание различных вариантов этнонигилизма, этноэгоизма и даже этнофобии. В этом феномене очень четко проявилось желание новых политических сил, пришедших к власти, оседлать националистические резервы как наиболее выигрышные и эффективные для удержания власти. Под влиянием этих проблем приобрела новое лицо миграция. На территории бывшего Советского Союза началась новое великое переселение народов, подняв многие миллионы людей на перемену места жительства. Особенно это коснулось русского (русскоязычного) населения, которое в один прекрасный день проснулось в другой стране (по экспертным оценкам это коснулось около 9 млн человек). Не в меньшей проблемной ситуации оказались миллионы представителей других народов, которые, будучи гражданами одной страны, вдруг стали гастарбайтерами с различными видами поражения своих трудовых и гражданских прав.

Приобрели новый облик и *конфессиональные проблемы*. Так как начали складываться новые взаимоотношения между властью и церковью, появилась новая тенденция в общественном сознании, названная некоторыми исследователями «религиозным ренессансом». Но значение приобрел тот факт, что если ранее атеизм был замутнен, а вера была более чистой, то в настоящее время вера оказалась замутненной, а атеизм освободился от тех, кто в силу идеологических предписаний колебался от веры к неверию и наоборот [14]. Остается под большим вопросом и стремление церкви расширить свой ареал влияния на образование, армию, культуру и другие области общественной жизни.

Среди актуальных вопросов можно назвать и такие явления, как *модификация форм и методов социальных, политических и экономических протестов*. Наряду с традиционными формами, как забастовки, стачки, манифестации, пикеты (хотя они приобрели различные формы в современных условиях), возникли такие феномены, как *цветные революции*, что

требует принципиально нового подхода и иной интерпретации, чем при изучении революций на предшествующих этапах развития человечества.

Усложнение исследовательских задач. Радикальное изменение общественных отношений в постсоветской России потребовало как переосмотра, так и нового осмысления социальной реальности с точки зрения перспектив ее развития, возможностей учета последствий происходящих изменений. На наш взгляд, это особенно важно и актуально при осмыслении такого волнующего все общество вопроса, как *коррупция*. В настоящее время появилось много политических заявлений, научных интерпретаций, публицистических статей о коррупции. Все они с той или иной точностью характеризуют это явление, делают выводы о ее недопустимости, об угрозе государству и общественной жизни. Но практически ни одно из этих заявлений или публикаций не поднимается до такой прогнозной ситуации – о *коррозии социально-политического и социально-экономического строя* со всеми вытекающими из этого последствиями – возможностью новых потрясений на территории России.

В связи с тем, что информация становится одним из мощных показателей в соревновании современных обществ за свое будущее, вполне оправдана эволюция социологии СМИ в *социологию массовой информации*. Социологи осуществляют не только анализ традиционных ее каналов – газет, радио, телевидения, но стали достаточно обстоятельно изучать возможности Интернета, межличностные контакты, роль таких общественно-значимых форм обмена информацией, как групповые встречи, деятельность новых общественных организаций. Несомненно, что каналы коммуникации будут приобретать новое обличье в виде изменения роли фейковой информации, слухов, анекдотов и других специфических форм выражения общественного сознания [15].

Претерпел серьезные изменения феминистский подход, эволюционировав в *гендерную социологию*, которая более полно и объективно отражает изменения, происходящие в этой области человеческих отношений, имеющих вполне реальное социальное выражение.

Новое поле дискуссий. Любая наука, в том числе и социология, не может развиваться, не порождая новые подходы и новые методы интерпретации социальных процессов и явлений. В последние годы рядом исследователей активно пропагандируется *полипарадигмальный подход* при изучении и интерпретации тех или иных объектов социальной реальности. Опасность такой интерпретации может породить и порождает такую ситуацию, когда участники изучения не могут говорить на языке, понятном для всех участников изучаемого процесса. Этому во многом способствует и такое явление, как какофония терминов и понятий, применяемых в социологии (см. статью Д. Подвойского). Не менее спорны предложения о так называемой *консервативной социологии* (В.И. Добреньков), которая

строится не просто на традициях и предшествующем опыте, а на таком их аспекте, который связан с радикальным религиозным мировоззрением и специфическим этническим национализмом. Для многих теоретиков неприемлемы предложения о *ноосферной и нано социологии* (С.И. Григорьев), которые, по мнению оппонентов, отражают попытку слепо копировать то, что происходит в естественных и точных науках.

Есть и более конкретные, но не менее спорные понятия, по которым до сих пор нет полной согласованности при их интерпретации. Так до сих пор идут споры о *так называемом среднем классе*. Противники его использования утверждают, что в российской социологии критерием его использования являются только такие показатели, как доход, его оценка, в то время как по европейской традиции понятие среднего класса включает в себя много других индикаторов – участие в общественной жизни, творческое участие в решении социальных проблем, квалификация и образованность, уверенность в будущем и многое другое. Так не лучше ли ограничиться более точным и более правильным понятием *как средний слой?* [16]

Новая терминология или ее калька. Тезаурус социологии обогатился новыми понятиями, характеризующими как новые методы познания, так и новую терминологию при изучении социальной реальности. Можно сказать, что в нашу лексику вошли такие новые области знания, как социокибернетика, социальная география, поисковые начинания, нейросоциология, а также новые термины, как дискурс, симулякр, эксклюзии, фронеzis и др. Однако стоит отметить, что нередко предлагается, в том числе и в нашу редакцию, калька некоторых английских, французских или немецких слов, которые не могут прижиться из-за того, что и на русском языке существуют аналоги, достаточные для выражения сущности изучаемых явлений и процессов.

За этим явлением скрывается еще одно. Оно особенно ощущается в материалах, которые присылаются в наш журнал. Даже самый незначительный анализ нередко сопровождается перечнем и цитированием имен только американских, английских, французских или немецких ученых. Порой доходит до анекдота. Недавно в журнал поступила статья о краеведческом музее в далеком таежном поселке в Сибири. Вероятно, как «case study» это было бы вполне приемлемо. Но смущало следующее – в доказательство необходимости и важности такого музея приводилось 26 из 29 ссылок на иностранных авторов, которые никогда и никоим образом не выходили на «таежные» проблемы. И в то же время в этой статье игнорировалось наличие огромной краеведческой литературы в стране, в том числе и сибирских ученых. При этом не было ни слова о том, кто посещает этот музей, какие функции он выполняет, как используется школой и т.д. Что это? Боязнь сказать свое слово? Найти надежное подкрепление, которое, по мнению авторов, самое достойное? Или убежденность

в том, что в России в этом направлении нет ничего стоящего? Почему бы и в этом, и в аналогичных случаях авторы не пытаются сделать свои выводы, пусть спорные, но основанные на анализе реальной ситуации?

К этому можно добавить и такое наблюдение. Многие авторы пока не могут обойтись без того, чтобы при объяснении происходящих изменений не прибегать к многочисленным ссылкам на коллег-социологов за рубежом. Само по себе это вполне нормальное и, более того, необходимое явление. Но при этом часто игнорируется тот факт, что по многим проблемам имеются серьезные работы отечественных ученых. В результате создается впечатление, что российские социологи не могли выдвинуть и предложить ни одной новаторской идеи, ни одного достойного вывода по изучаемой проблеме.

Издержки в развитии отечественной социологии. Анализ современной литературы показывает, что остается весьма существенным *разрыв между теоретическими изысканиями и эмпирическими исследованиями*. В результате возникает ситуация, когда статьи о теоретической социологии оперируют информацией мало или совсем не связанной с конкретными данными эмпирических исследований. А статьи по эмпирической социологии ограничиваются более или менее добросовестным комментированием полученных данных, часто не пытаясь претендовать на более широкие научные обобщения и выводы, без которых немислима сама наука. Это параллельное сосуществование двух направлений существенно обедняет каждое из них и, в конечном счете, социологию как науку.

Не менее уязвим *методологический и методический уровень*. Небрежное отношение к исходным методологическим формулировкам, всеядность и эклектическое использование разных подходов приводит к созданию несъедобных «винегретов», которые только способствуют профанации науки, ничего не дают практике, а в целом дискредитируют социологию. Нельзя не упомянуть и стремление ряда авторов к каждому слову применить термин «социология». В результате появляются «социология мостовых» или «социология СПИДа», или подобные изыски, порождая лжеизобретательство и демонстрируя низкую культуру научного познания. К этим «болезням» примыкает *мелкотемье*, когда в исследованиях на первый план выходят личные пристрастия социолога, далекие от реальных забот и тревог российского общества.

Стоит сказать и о таком новом повороте, как дискуссия о публичной социологии. Это связано с поиском ответа на вопрос – кто мы, социологи? П. Штомпка, бывший президент Международной социологической ассоциации, высказал соображение, что среди функций современной социологии наряду с профессиональной, прикладной, критической должна присутствовать и публичная. Эта идея интенсивно развивается и нынешним президентом МСА М. Буравым. На наш взгляд, эта проблема акту-

альна и для нашего времени. Обсуждение, проведенное журналом СОЦИС, показало, что потребность в публичной социологии вызвана не просто желанием заявить о себе, сколько потребностями времени, востребованностью со стороны общества научного анализа и научно-обоснованных рекомендаций по его использованию. Отмечается также необходимость «давления» на принятие решений, особенно в поводу острых социальных ситуаций. Очень важна и роль социологии в доведении до сведения общественности данных социологических исследований с целью приковать ее внимание к необходимости воздействовать на те или иные процессы, мобилизуя общественное мнение.

Подводя итоги анализу этих проблем, отметим, что немалую сложность при анализе функционирования современного общества в России, его социального и духовного развития представляют явления, на которые ранее не обращалось должного внимания: аномия (основное проявление которой – безразличие, апатия), фрустрация (основное проявление – агрессивность, демонстративная неподконтрольность), рост ксенофобий и этнофобий, «макдональдадизация» сознания (ориентация на бездумное и беспредельное потребительство), архаизация социальной практики (возвращение к ушедшим в прошлое формам жизнедеятельности). Большая часть общества («малоимущие») отчуждена от общественной жизни. Тем же, кто в этой сфере активен, мешают последствия размывания социального и профессионального статуса основных пластов и слоев российского общества, утрата значительной частью населения этических и нравственных ориентиров, неспособность политического класса действовать в текущих и перспективных интересах народа.

Разработка всех названных проблем позволит социологам изучить теоретико-методологические основы новых форм и видов общественного сознания и социальной практики, а также выявить те точки напряжения (реальные и потенциальные), которые препятствуют нормальному функционированию российского общества.

В заключение отметим, что с точки зрения социологии жизни основной исследовательской работы становятся масштабные исследования состояния экономического, политического, нравственного и других видов общественного сознания, а также их реализация в процессе социальной практики. Творческое изучение данных, накопленных исследовательскими центрами России, других стран, результатов самостоятельных эмпирических исследований во все большей мере должно быть нацелено на нахождение общих и специальных тенденций изучаемых социальных процессов.

Анализ реального общественного сознания и социальной практики, который осуществляется рядом наших научных организаций, показывает, что изучение принципиально новых явлений, тенденций, процессов приносит свои плоды.

Приведем примеры. А.В. Дмитриев, изучая проблемы конфликтности в контексте миграционных потоков, вскрыл новые тенденции в этом сложном процессе, сущностные характеристики которых характерны не только для России. Ю.В. Арутюнян получил и опубликовал работы, данные которых по-новому осмысливают функционирование и образ жизни диаспор ряда народов, функционирование национальных культур. Идеи о жизненных силах общества, их потенциале, в том числе и в современных условиях, развивает С.И. Григорьев. Новые тенденции в общественном сознании и поведении людей с позиций возможностей устойчивого развития российского общества вскрыты в исследованиях В.К. Левашова. Интересные идеи с точки зрения исследований существенных сдвигов, которые происходят в сознании и поведении молодежи, выдвинуты В.А. Луковым. Им же предложен и новый аспект теоретического анализа, который нашел отражение в применении понятия и феномена тезауруса для обогащения нашего социогуманитарного знания. Достоянием научной общественности стали труды Н.Е. Тихоновой о социальной структуре общества, новых слоях, о причинах экономической и социальной дифференциации. Пользуются популярностью новаторские подходы С.Г. Кирдиной об институциональных матрицах. Общеизвестны основательные и перспективные исследования социальной сферы, и особенно образа жизни, осуществляемые Г.И. Осадчей.

Многие пионерные темы, новые идеи и новое видение социальной реальности предлагаются и нашими коллегами в других городах России. Назовем их имена: О.В. Нечипоренко (Новосибирск), В.В. Кривошеев (Калининград), П.П. Великий (Саратов), Г.Е. Зборовский (Екатеринбург), Ю.П. Шабаев (Сыктывкар), Я.И. Гишинский (Санкт-Петербург) и др. Таким образом, мы имеем серьезный потенциал отечественных социологов, вносящих в общую копилку оригинальные идеи, обобщения и предложения.

Примечания

1. *Осипов Г.В., Степашин С.В.* Экономика и социология знания. М., 2009; *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 5. С. 450–456; *Мильнер Б.М.* Управление знаниями. Эволюция и революция в организациях // Проблемы теории и практики управления. М., 2003; *Шульц В.Л.* Социология знания. История и методология. М., 2006.

2. *Гринберг Р.С.* Россия в турбулентном мире. М., 2012; *Кравченко С.А.* Становление сложного общества. К обоснованию гуманистической теории сложности. М., 2012; *Данилина Е.Н.* Турбулентное время // Социол. исслед. 2012. № 3.

3. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2008; *он же.* Социология. 2012; *Резник Ю.М.* Социальное измерение жизненного мира. М., 2001; *Волков Ю.Г.* Социология. М., 2006.
4. *Волков В.В.* Силовое предпринимательство. Комплексный социологический подход. М., 2005; *Хархордин О.В.* Куда идет теория практик: поворот к материальности // Социол. исслед. 2012. № 11.
5. *Мионов Б.Н.* Историческая социология России. СПб., 2009; *Романовский Н.В.* Историческая социология. М., 2009.
6. *Беленький В.Х.* Рабочий класс как объект социологического анализа // Социол. исслед. 2003. № 4; *он же.* Социальная структура российского общества: состояние и проблемы теоретической разработки // Социол. исслед. 2006. № 11; *Кара-Мурза С.Г.* Манипулирование сознанием. М., 2004; *он же.* Кризисное обществоведение. Ч. 1. М., 2009. Ч. 2. М., 2012; *Трушков В.В.* Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Социол. исслед. 2002. № 2.
7. *Левашов В.К.* Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М., 2010; *Запесоцкий А.С.* Образование: философия, культурология, политика. СПб., 2007.
8. *Покровский Н.Е.* Перспективы российского Севера: сельские сообщества // Мир России. 2010. № 4.
9. *Григорьев С.И.* Соотношение категориального словесно-логического и идейно-образного видов в деятельности социологов // Социол. исслед. 2012. № 1.
10. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Фриланстеры на российском рынке труда // Социол. исслед. 2010. № 2; *Мирзагитова Л.* Экопоселения России. www.eco-kovcheg.ru.
11. *Козина И.М.* Заемный труд // Социол. исслед. 2013. № 3.
12. *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М., 2012.
13. *Латин Н.И.* Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социол. исслед. 2012. № 9.
14. *Филатов С.Б., Бурдо М.* (отв. ред.) Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I–IV. М., 2004–2006.
15. *Дмитриев А.В.* Социология юмора. Очерки. М., 1996.
16. *Севастьянов А.Н.* Миф о среднем классе // Социол. исслед. 2010. № 1.